

[Николай Палкинъ]

авторъ Лев Николаевич Толстой

Экспортировано из Викитеки 30 марта 2023 г.

[Николай Палкинъ]

Мы ночевали у 95-лѣтняго солдата. Онъ служилъ при Александрѣ I и Николаѣ.

— Что умереть хочешь?

— Умереть? — Еще какъ хочу. Прежде боялся, а теперь объ одномъ Бога прошу: только бы покаяться, причаститься привелъ Богъ. А то грѣховъ много.

— Какіе же грѣхи?

— Какъ какіе? Вѣдь я когда служилъ? При Николаѣ; тогда развѣ такая, какъ нынче, служба была! Тогда что было? У! Вспоминать, такъ ужасъ беретъ. Я еще Александра засталъ. Александра того хвалили солдаты, говорили — милостивъ былъ.

Я вспомнилъ послѣднія времена царствованія Александра, когда изъ 100 — 20 человѣкъ забивали на смерть. Хорошъ же былъ Николай, когда въ сравненіи съ нимъ Александръ казался милостивымъ.

— А мнѣ довелось при Николаѣ служить, сказалъ старикъ. И тотчасъ же оживился и сталъ рассказывать.

— Тогда что было, заговорилъ онъ. Тогда на 50 палокъ и портокъ не снимали; а 150, 200, 300... на смерть запарывали.

Говориль онъ и съ отвращеніемъ, и съ ужасомъ и не безъ гордости о прежнемъ молодечествѣ.

— А ужъ палками — недѣли не проходило, чтобы не забивали на смерть человѣка или двухъ изъ полка. Нынче ужъ и не знаютъ, что такое палки, а тогда это словечко со рта не сходило. Палки, палки!.. У насъ и солдаты Николая Палкинымъ прозвали. Николай Павлычъ, а они говорятъ Николай Палкинъ. Такъ и пошло ему прозвище.

— Такъ вотъ, какъ вспомнишь про то время, продолжалъ старикъ, да вѣкъ то отжилъ — помирать надо, какъ вспомнишь, такъ и жутко станеть. Много грѣха на душу принято. Дѣло подначальное было. Тебѣ всыпятъ 150 палокъ за солдата (отставной солдатъ былъ унтеръ-офицеръ и фельдфебель, теперь кандидатъ), а ты ему 200. У тебя не заживетъ отъ того, а ты его мучаешь — вотъ и грѣхъ.

— Унтеръ-офицера до смерти убивали солдатъ молодыхъ. Прикладомъ или кулакомъ свиснетъ въ какое мѣсто нужное: въ грудь, или въ голову, онъ и помретъ. И никогда взыску не было. Помретъ отъ убоя, а начальство пишетъ: «властію Божіею помре». — И крышка. А тогда развѣ понималъ это? Только объ себѣ думаешь. А теперь вотъ ворочаешься на печкѣ, ночь не спится, все тебѣ думается, все представляется. Хорошо какъ успѣешь причаститься по закону христіанскому, да простится тебѣ, а то ужась беретъ. Какъ вспомнишь все, что самъ терпѣлъ, да отъ тебя терпѣли, такъ и аду не надо, хуже аду всякаго...

Я живо представилъ себѣ то, что должно вспоминаться въ его старческомъ одиночествѣ этому умирающему человѣку и мнѣ въ чужѣ стало жутко. Я вспомнилъ про тѣ ужасы, кромѣ палокъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ принимать участіе. Про загоняніе на смерть сквозь строй, про разстрѣливанье, про убійства и грабежи городовъ и деревень на войнѣ (онъ участвовалъ въ польской войнѣ), и я сталъ спрашивать его про это. Я спросилъ его про гоняніе сквозь строй.

Онъ разскалъ подробно про это ужасное дѣло. Какъ ведутъ человѣка, привязаннаго къ ружьямъ и между поставленными улицей солдатами съ шпигрутенами палками, какъ всѣ бьютъ, а позади солдатъ ходятъ офицеры и покрикиваютъ: «бей больнѣй!»

— «Бей больнѣй!» прокричалъ старикъ начальническимъ голосомъ, очевидно не безъ удовольствія вспоминая и передавая этотъ молодечески-начальническій тонъ.

Онъ разскалъ всѣ подробности безъ всякаго раскаянія, какъ бы онъ разсказывалъ о томъ, какъ бьютъ быковъ и свѣжуютъ говядину. Онъ разскалъ о томъ какъ водятъ несчастнаго взадъ и впередъ между рядами, какъ тянется и падаетъ забиваемый человѣкъ на штыки, какъ сначала видны кровяные рубцы, какъ они перекрещиваются, какъ понемногу рубцы сливаются, выступаетъ и брызжетъ кровь, какъ клочьями летитъ окровавленное мясо, какъ оголяются кости, какъ сначала еще кричитъ несчастный и какъ потомъ только охаетъ глухо съ каждымъ шагомъ и съ каждымъ

ударомъ, какъ потомъ затихаетъ, и какъ докторъ, для этого приставленный, подходитъ и щупаетъ пульсъ, оглядываетъ и рѣшаетъ, можно ли еще бить человѣка или надо погодить и отложить до другого раза, когда заживетъ, чтобы можно было начать мученье сначала и добавить то количество ударовъ, которое какіе-то звѣри, съ Палкинымъ во главѣ, рѣшили, что надо дать ему. Докторъ употребляетъ свое знаніе на то, чтобы человѣкъ не умеръ прежде, чѣмъ не вынесетъ всѣ тѣ мученія, которыя можетъ вынести его тѣло.

Разсказывалъ солдатъ послѣ, какъ послѣ того, какъ онъ не можетъ больше ходить, несчастного кладутъ на шинель ничкомъ и съ кровяной подушкой во всю спину несутъ въ гошпиталь вылѣчивать съ тѣмъ, чтобы, когда онъ вылечится, добавить ему ту тысячу или двѣ палокъ, которыя онъ не дополучилъ и не вынесъ сразу.

Разсказывалъ, какъ они просятъ смерти и имъ не даютъ ее сразу, а вылѣчиваютъ и бьютъ другой, иногда третій разъ. И онъ живетъ и лѣчится въ гошпиталѣ, ожидая новыхъ мученій, которыя доведутъ его до смерти.

И его ведутъ второй или третій разъ и тогда уже добиваютъ на смерть. И все это за то, что человѣкъ или бѣжитъ отъ палокъ или имѣлъ мужество и самоотверженіе жаловаться за своихъ товарищей на то, что ихъ дурно кормятъ, а начальство крадетъ ихъ паёкъ.

Онъ разсказывалъ все это, и когда я старался вызвать его раскаяніе при этомъ воспоминаніи, онъ сначала удивился, а потомъ какъ будто испугался.

— Нѣтъ, говорить, это что-жъ, это по суду. Въ этомъ развѣ я причинень? Это по суду, по закону.

То же спокойствіе и отсутствіе раскаянія было у него и по отношенію къ военнымъ ужасамъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и которыхъ онъ много видѣлъ и въ Турціи и въ Польшѣ. Онъ разсказалъ объ убитыхъ дѣтяхъ, о смерти голодомъ и холодомъ плѣнныхъ, объ убійствѣ штыкомъ молодого мальчика-поляка, прижавшагося къ дереву.

И когда я спросилъ его не мучаютъ ли совѣсть его и эти поступки, онъ уже совсѣмъ не понялъ меня. Это на войнѣ, по закону, за Царя и отечество. Это дѣла, по его понятію, не только не дурныя, но такія, которыя онъ считаетъ доблестными, добродѣтельными, искупающими его грѣхи. То, что онъ раззорялъ, губилъ неповинныхъ ничѣмъ дѣтей и женщинъ, убивалъ пулей и штыкомъ людей, то, что самъ засѣкалъ стоя въ строю на смерть людей и таскалъ ихъ въ гошпиталь и опять назадъ на мученье, это все не мучаетъ его, это все какъ будто не его дѣла. Это все дѣлалъ какъ будто не онъ, а кто-то другой.

Есть у него кое-какіе свои грѣшки личные, когда онъ безъ того, что онъ называетъ закономъ, билъ и мучалъ людей, и эти мучаютъ его и для искупленія отъ нихъ онъ ужъ много разъ причащался и еще надѣется причаститься передъ самой смертью, рассчитывая на то, что это загладитъ мучающіе его совѣсть грѣхи. Но онъ все-таки мучается и картины ужасовъ прошедшаго не покидаютъ его.

Что бы было съ этимъ старикомъ, если бы онъ понялъ то, что такъ должно бы быть ясно ему, стоящему на порогѣ смерти, что между всѣми дѣлами его жизни, тѣми, которыя онъ называетъ: по закону — и всѣми другими нѣтъ никакого различія, что всѣ дѣла его тѣ, которыя онъ могъ сдѣлать и не сдѣлать (а бить и не бить, убивать и не убивать людей всегда было въ его власти), что всѣ дѣла его — его дѣло, что какъ теперь, наканунѣ его смерти, нѣтъ и не можетъ быть никакого посредника между нимъ и Богомъ, такъ и не было и не могло быть и въ ту минуту, когда его заставляли мучать и убивать людей. Что бъ съ нимъ было, если бы онъ понялъ теперь, что не долженъ былъ бить и убивать людей и что закона о томъ, чтобы бить и убивать братьевъ никогда не было и не могло быть. Если бы онъ понялъ, что есть только одинъ вѣчный законъ, который онъ всегда зналъ и не могъ не знать — законъ, требующій любви и жалости къ людямъ, а что то, что онъ называетъ теперь закономъ былъ дерзкій, безбожный обманъ, которому онъ не долженъ былъ поддаваться. Страшно подумать о томъ, что представлялось бы ему въ его безсонныя ночи на печкѣ и каково было бы его отчаянье, если бы онъ понялъ это. Мученія его были бы ужасны.

Такъ зачѣмъ же и мучать его? Зачѣмъ мучать совѣсть умирающаго старика? Лучше успокоить ее. Зачѣмъ раздражать народъ, вспоминать то, что уже прошло?

Прошло? Что прошло? Развѣ можетъ пройти то, чего мы не только не начинали искоренять и лѣчить, но то,

что боимся назвать и по имени. Развѣ можетъ пройти жестокая болѣзнь только отъ того, что мы говоримъ, что прошло. Оно и не проходитъ и не пройдетъ никогда и не можетъ пройти, пока мы не признаемъ себя больными. Для того, чтобы излѣчить болѣзнь, надо прежде признать ее. А этого-то мы и не дѣлаемъ. Не только не дѣлаемъ, но всѣ усилія наши употребляемъ на то, чтобы не видать, не называть ее. Болѣзнь и не проходитъ, а только видоизмѣняется, въѣдается глубже въ плоть, въ кровь, въ кости, въ мозгъ костей.

Болѣзнь въ томъ, что люди, рожденные добрыми, кроткими, люди, съ вложенной въ ихъ сердце любовью, жалостью къ людямъ, совершаютъ — люди надъ людьми — ужасающія жестокости, сами не зная зачѣмъ и для чего. Наши русскіе люди кроткіе, добрые, всѣ проникнутые духомъ ученія Христа, люди кающіеся въ душѣ о томъ, что словомъ оскорбляли людей, что не подѣлились послѣднимъ съ нищимъ и не пожалѣли заключенныхъ, эти люди проводятъ лучшую пору жизни въ убійствѣ и мучительствѣ своихъ братій и не только не каются въ этихъ дѣлахъ, но считаютъ эти дѣла или доблестью или, по крайней мѣрѣ, необходимостью, такую же неизбѣжною, какъ пища или дыханіе. Развѣ это не ужасная болѣзнь? И развѣ не лежитъ на обязанности cadaго дѣлать все, что онъ можетъ для исцѣленія ея, и первое, главное, указать на нее, признать ее, назвать ее ея именемъ.

Солдатъ старый провелъ всю свою жизнь въ мучительствѣ и убійствѣ другихъ людей. Мы говоримъ:

зачѣмъ поминать? Солдаты не считаютъ себя виноватымъ, и тѣ страшныя дѣла: палки, сквозь строй и другія — прошли уже; зачѣмъ поминать старое? Теперь ужъ этого нѣтъ больше. Былъ Николай Палкинъ. Зачѣмъ это вспоминать? Только старый солдатъ передъ смертью помянулъ. Зачѣмъ раздражать народъ? Такъ же говорили при Николаѣ про Александра. Тоже говорили при Александрѣ про Павловскія дѣла. Такъ же говорили при Павлѣ про Екатерину. Такъ же при Екатеринѣ про Петра и т. д. Зачѣмъ поминать? Какъ зачѣмъ поминать? Если у меня была лихая болѣзнь или опасная и я излѣчился или избавился отъ нея, я всегда съ радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болѣю и все такъ же болѣю, еще хуже, и мнѣ хочется обмануть себя. И мы не поминаемъ только отъ того, что мы знаемъ, что мы больны все такъ же, и намъ хочется обмануть себя.

Зачѣмъ огорчать старика и раздражать народъ? Палки и сквозь строй — все это ужъ прошло.

Прошло? Изменило форму, но не прошло. Во всякое прошедшее время было то, что люди послѣдующаго времени вспоминаютъ не только съ ужасомъ, но съ недоумѣніемъ: правежи, сжиганія за ереси, пытки, военныя поселенія, палки и гонянія сквозь строй. Мы вспоминаемъ все это и не только ужасаемся передъ жестокостью людей, но не можемъ себѣ представить душевнаго состоянія тѣхъ людей, которые это дѣлали. Что было въ душѣ того человѣка, который вставлялъ съ постели, умывшись, одѣвшись въ боярскую одежду,

помолившись Богу, шель въ застѣнокъ выворачивать суставы и бить кнутомъ стариковъ, женщинъ и проводилъ за этимъ занятіемъ, какъ теперешніе чиновники въ сенатѣ, свои обычные пять часовъ и ворочался въ семью и спокойно садился за обѣдъ, а потомъ читаль священное писаніе? Что было въ душѣ тѣхъ полковыхъ и ротныхъ командировъ: я зналъ одного такого, который накануне съ красавицей дочерью танцевалъ мазурку на балѣ и уѣзжалъ раньше, чтобы на завтра рано утромъ распорядиться прогоняніемъ на смерть сквозь строй бѣжавшаго солдата татарина, засѣкалъ этого солдата до смерти и возвращался обѣдать въ семью. Вѣдь все это было и при Петрѣ, и при Екатерине, и при Александрѣ, и при Николаѣ. Не было времени, въ которое бы не было техъ страшныхъ делъ, которыя мы, читая ихъ, не можемъ понять. Не можемъ понять того, какъ могли люди не видать тѣхъ ужасовъ, которые они дѣлали, не видать, если уже не звѣрства безчеловѣчности тѣхъ ужасовъ, то бессмысленность ихъ. Во всѣ времена это было. Неужели наше время такое особенное, счастливое, что въ наше время нѣтъ такихъ ужасовъ, нѣтъ такихъ поступковъ, которые будутъ казаться столь же непонятными нашимъ потомкамъ? Намъ ясна теперь не только жестокость, но бессмысленность сжиганія еретиковъ и пытокъ судейскихъ для узнанія истины. Ребенокъ видитъ бессмысленность этого; но люди того времени не видѣли этого. Умные, ученые люди утверждали, что пытки необходимое условіе жизни людей, что это тяжело, но безъ этого нельзя. Тоже съ палками, съ

рабствомъ. И пришло время и намъ трудно представить себе то состояніе умовъ, при которомъ возможно было такое грубое заблужденіе.

Гдѣ наши пытки, наше рабство, наши палки? Намъ кажется, что ихъ нѣтъ, что это было прежде, но теперь прошло. Намъ кажется это отъ того, что мы не хотимъ понять стараго и старательно закрываемъ на него глаза.

Если мы прямо поглядимъ на прошедшее, намъ откроется и наше настоящее. Если мы только перестанемъ слѣпить себѣ глаза выдуманными государственными пользами и благами и посмотримъ на то, что одно важно: добро и зло жизни людей, намъ все станетъ ясно. Если мы назовемъ настоящими именами костры, пытки, плахи, клейма, рекрутскіе наборы, то мы найдемъ и настоящее имя для тюремъ, остроговъ, войскъ съ общою воинскою повинностью, прокуроровъ, жандармовъ.

Если мы не будемъ говорить: зачѣмъ поминать? и не будемъ заслонять дѣлъ людскихъ прошедшаго воображаемыми пользами для различныхъ фикцій, мы поймемъ то, что дѣлалось прежде, поймемъ и то, что дѣлается теперь.

Если намъ ясно, что нелѣпо и жестоко рубить головы на плахѣ и узнавать истину отъ людей посредствомъ выворачиванія ихъ костей, то такъ же ясно станетъ и то, что такъ же, если не еще болѣе, нелѣпо и жестоко вѣшать людей или сажать въ одиночное заключеніе, равное или худшее смерти и узнавать истину черезъ наемныхъ адвокатовъ и прокуроровъ. Если намъ ясно

станетъ, что нелѣпо и жестоко убивать заблудшаго человѣка, то такъ же ясно станетъ и то, что еще нелѣпѣе сажать такого человѣка въ острогъ, чтобъ совсѣмъ развратить его; если ясно станетъ, что нелѣпо и жестоко ловить мужиковъ въ солдаты и клеймить какъ скотину, то такъ же нелѣпо и жестоко заирать всякаго 21-лѣтняго человѣка въ солдаты. Если ясно станетъ, какъ нелѣпа и жестока причина, то еще яснѣе будетъ нелѣпость и жестокость гвардій и охраны.

Если мы только перестанемъ закрывать глаза на прошедшее и говорить: зачѣмъ поминать старое, намъ ясно станетъ, въ чемъ наши точно такіе же ужасы, только въ новыхъ формахъ. Мы говоримъ: все это прошло. Прошло, теперь ужъ нѣтъ пытокъ, блудницъ Екатеринъ съ ихъ самовластными любовниками, нѣтъ рабства, нѣтъ забиванья на смерть палками и др. Но вѣдь только такъ кажется.

Триста тысячъ человѣкъ въ острогахъ и арестантскихъ ротахъ сидятъ запертые въ тѣсныя, вонючіе помѣщенія и умираютъ медленной тѣлесной и нравственной смертью. Жены и дѣти ихъ брошены безъ пропитанія, а этихъ людей держать въ вертепѣ разврата — острогахъ и арестантскихъ ротахъ, и только смотрители, полновластные хозяева этихъ рабовъ, суть тѣ люди, которымъ на что-нибудь нужно это жестокое безсмысленное заключеніе. Десятки тысячъ людей съ вредными идеями въ ссылкахъ разносятъ эти идеи въ дальніе углы Россіи и сходятъ съ ума и вѣшаются. Тысячи сидятъ по крѣпостямъ и или убиваются тайно

начальниками тюремъ или сводятся съ ума одиночными заключеніями. Милліоны народа гибнутъ физически и нравственно въ рабствѣ у фабрикантовъ. Сотни тысячъ людей каждую осень отбираются отъ семей, отъ молодыхъ женъ, приучаются къ убійству и систематически развращаются. Царь русскій не можетъ выѣхать никуда безъ того, чтобы вокругъ него не была цѣпь явная сотенъ тысячъ солдатъ, на 50 шаговъ другъ отъ друга разставленная по дорогѣ, и тайная цѣпь, смотрящая за нимъ повсюду. Король собираетъ подати и строить башни, и на башнѣ дѣлаетъ прудъ, и въ пруду, выкрашенномъ синей краской, и съ машинами, представляющими бурю, катается на лодкѣ. А народъ мретъ на фабрикахъ: и въ Ирландіи, и во Франціи, и въ Бельгіи.

Не нужно имѣть особой проницательности, чтобы видѣть, что в наше время все то же, и что наше время полно тѣми же ужасами, тѣми же пытками, которые для слѣдующихъ поколѣній будутъ такъ же удивительны по своей жестокости и нелѣпости.

Болѣзнь все та же, и болѣзнь не столько тѣхъ, которые пользуются этими ужасами, сколько тѣхъ, которые приводятъ ихъ въ исполненіе. Пускай бы Петры, Екатерины, Палкины, Баварскіе короли пользовались въ 100, въ 1000 разъ болѣе. Пускай [бы] устраивали башни, театры, балы, обирали бы народъ. Пускай Палкинъ засѣкалъ бы народъ, пускай теперешніе злодѣи вѣшали бы сотнями тайкомъ въ крѣпостяхъ, только бы они дѣлали это сами, только бы они не развращали народъ,

не обманывали его, заставляя его участвовать въ этомъ, какъ стараго солдата.

Ужасная болѣзнь эта, болѣзнь обмана о томъ, что для человѣка можетъ быть какой-нибудь законъ выше закона любви и жалости къ ближнимъ и что потому онъ никогда не можетъ ни по чьему требованію дѣлать очевидное несомнѣнное зло своимъ братьямъ, убивая, засѣкая, вѣшая ихъ, сажая въ тюрьмы, забирая ихъ въ солдаты, отбирая отъ нихъ подати.

1880 лѣтъ [тому назадъ] на вопросъ фарисеевъ о томъ, позволительно давать подать Кесарю или нѣтъ, сказано: отдавайте Кесарево Кесарю, а Божье Богу.

Если бы была у людей въ наше время хоть слабая вѣра въ ученіе Христа, то они считали бы должнымъ Богу хоть то, чему не только словами училъ Богъ человѣка, сказавъ: «не убій»; сказавъ: «не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали»; сказавъ: «люби ближняго какъ самого себя», — но то, что Богъ неизгладимыми чертами написалъ въ сердцѣ каждого человѣка: любовь къ ближнему, жалость къ нему, ужась передъ убійствомъ и мучительствомъ братьевъ.

Если бы люди вѣрили Богу, то они не могли бы не признавать этой первой обязанности къ Нему, исполнять то, что Онъ написалъ въ ихъ сердцѣ, т. е. жалѣть, любить, не убивать, не мучать своихъ братьевъ. И тогда слова: Кесарево Кесарю, а Божье Богу имѣли бы для нихъ значеніе.

Царю или кому еще все, что хочешь, но только не Божіе. Нужны Кесарю мои деньги — бери; мой домъ, мои труды — бери: Мою жену, моихъ дѣтей, мою жизнь — бери; все это не Божіе. Но нужно Кесарю, чтобъ я поднѣялъ и опустилъ пруть на спину ближняго; нужно ему, чтобы я держалъ человѣка пока его будутъ бить, чтобы я связалъ человѣка или съ угрозой убійства, съ оружіемъ въ рукѣ стоялъ надъ человѣкомъ, когда ему дѣлають зло, чтобы я заперъ дверь тюрмы за человѣкомъ, чтобы я отнялъ у человѣка его корову, хлѣбъ, чтобы я написалъ бумагу, по которой запруть человѣка или отнимутъ у него то, что ему дорого — всего этого я не могу, потому что тутъ требуются поступки мои, а они то и есть Божіе. Мои поступки это то, изъ чего слагается моя жизнь, жизнь, которую я получилъ отъ Бога, я отдамъ Ему одному. И потому вѣрующій не можетъ отдать Кесарю то, что Божіе. Идти черезъ строй, идти въ тюрму, на смерть, отдавать подати Кесарю — все это я могу, но бить въ строю, сажать въ тюрму, водить на смерть, собирать подати — всего этого я не могу для Кесаря, потому что тутъ Кесарь требуетъ отъ меня Божіе.

Но мы дошли до того, что слова: «Богу Божіе» для насъ означаютъ то, что Богу отдавать копѣчныя свѣчи, молебны, слова — вообще все, что никому, тѣмъ болѣе Богу, не нужно, а все остальное, всю свою жизнь, всю святыню своей души, принадлежащую Богу, отдавать Кесарю!

[Варианты к «Николаю Палкину»]

* № 1.

[Апрѣль 1886 г.]

Мы ночевали у 95 лѣтняго солдата. Онѣ служилъ при Александре I и Николаѣ.

— Что умереть хочешь?

— Умереть! Еще какъ хочу. Прежде боялся, а теперь объ одномъ прошу Бога, только бы причаститься — покаяться — а то грѣховъ много.

— Какіе же грѣхи?

— Какъ какіе? Тогда служба была не такая. Александра хвалили солдаты — милостивъ былъ. А мнѣ довелось служить при Николаѣ Палкинѣ.^[1] Такъ его солдаты прозвали. Тогда что было, заговорилъ онѣ, оживляясь. Тогда на 50 палокъ и партокъ не снимали, а 150, 200, 300. На смерть запарывали. Дѣло подначальное. Тебѣ всыпать 150 палокъ за солдата (отставной солдатъ былъ унтеръ-офицеръ и теперь кандидатъ) а ты ему 200. У тебя не заживетъ отъ того, а его мучаешь. Вотъ и грѣхъ. Тогда что было. До смерти унтеръ-офицера убивали. Прикладомъ али кулакомъ. Онѣ и умереть, а начальство говорить «властью Божьей помре».

Онъ началъ разсказывать про сквозь строй. Извѣстное ужасное дѣло. Ведутъ, сзади штыки, и всѣ бьютъ, а сзади солдатъ ходятъ офицеры и ихъ бьютъ: «бей больнѣй». Подушка кровяная на всю спину, и въ страшныхъ мученіяхъ смерть. Всѣ палачи, и никто не виноватъ. Кандидатъ ^[2] такъ и сказалъ, что не считаетъ себя виноватымъ. — «Это по суду».

И сталъ я вспоминать все, что знаю изъ исторіи о жестокостяхъ человѣка въ Русской исторіи, о жестокости этаго христіанскаго кроткаго, добраго, Русскаго человѣка, къ счастью или несчастью, я знаю много. Всегда въ исторіи и въ дѣйствительности, какъ кролик[а] къ боа, ^[3] меня притягивало къ этимъ жестокостямъ: я читалъ, слыхалъ, или видѣлъ ихъ и замиралъ, вдумываясь, вслушиваясь, вглядываясь въ нихъ. Чего мнѣ нужно было отъ нихъ, я не знаю, но мнѣ неизбѣжно нужно было знать, слышать, видѣть это.

Іоаннъ Грозный топить, жжетъ, казнить какъ звѣрь. Это страшно; но отчего то дѣла Іоанна Грознаго для меня что-то далекое, въ родѣ басни. Я не могъ видѣть всего этого. То же и съ временами междуцарствія Михаила, Алексѣя, но съ Петра такъ называемаго великаго начиналось для меня что-то новое живое. Я чувствовалъ, читая ужасы этаго бѣснующагося, пьянаго, распутнаго звѣря, что это касается меня, что всѣ его дѣла къ чему-то обязываютъ меня.

Сначала это было чувство злобы, потомъ презрѣнія, желанія унижить его, но все это было не то. Чего то отъ

меня требовало то чувство, какъ оно требуетъ чего-то, когда при васъ оскорбляютъ и мучаютъ роднаго да и не роднаго, а просто человѣка. Но я не могъ найти и понять того, чего отъ меня требовало и почему меня тянуло къ этому. Еще сильнѣе было во мнѣ это чувство негодованія и омерзенія при чтеніи ужасовъ его [4] бляди, ставшей царицей, еще сильнѣе при чтеніи ужасовъ Анны Ивановны, Елисаветы и сильнѣе и отвратительнѣе всего при описаніи жизни нѣмки [5] блудницы [6] и всей подлости, окружавшихъ ее — подлости, до сихъ поръ остающейся въ ихъ потомкахъ. Потомъ Павелъ (онъ почему то не возбуждалъ во мнѣ негодованія). Потомъ отцеубійца [7] и Аракчеевчина, и палки, палки, забиваніе живыхъ людей живыми [8] людьми христіанами, обманутыми своими жожаками. И потомъ Николай Палкинъ, котораго я засталъ вмѣстѣ съ его ужасными дѣлами.

Только очень недавно я понялъ, наконецъ, что мнѣ было нужно въ этихъ ужасахъ, почему они притягивали меня. Почему я чувствовалъ себя отвѣтственнымъ въ нихъ, и что мнѣ нужно сдѣлать по отношенію ихъ. Мнѣ нужно сорвать съ глазъ людей завѣсу, которая скрываетъ отъ нихъ ихъ человѣческія обязанности и призываетъ ихъ къ служенію дьяволу, не захотятъ они видѣть, [9] пересилить меня дьяволъ, [10] они, большинство изъ нихъ, будутъ продолжать служить дьяволу и губить свои души и души братьевъ своихъ, но хоть кто-нибудь

увидить: сѣмя будетъ брошено. И оно выростеть, потому что оно сѣмя Божье.

Дѣло идетъ вотъ какъ: заблудшіе^[11] люди^[12] — слуги дьявола, т. е. зла и обмана, для достиженія своихъ маленькихъ, ничтожныхъ цѣлей — въ родѣ пожара Рима Нерона, — дѣлаютъ ужасы жестокости надъ своими братьями. Люди заблудшіе жестоки всегда были, но люди, про жестокость которыхъ я говорю, сдѣлали свою жестокость наслѣдственною.^[13]

То, что дѣлалъ одинъ, другой отъ того не отрекается. Время — т. е. общее сознание людей, идетъ впередъ, и оказывается что то, что дѣлалъ Петръ, не можетъ дѣлать Екатерина, то, что дѣлалъ Павелъ, не можетъ дѣлать Александръ. То, что дѣлалъ Александръ,^[14] не можетъ дѣлать Палкинъ. То, что дѣлалъ Палкинъ, не можетъ дѣлать его сынъ. Но если онъ не можетъ дѣлать то же, онъ можетъ дѣлать другое. И онъ дѣлаетъ это другое. И они помощники его говорятъ: «Зачѣмъ поминать старое, что прошло, зачѣмъ озлоблять народъ». И всѣ слушаютъ и говорятъ: да, зачѣмъ вспоминать старое и озлоблять народъ. И старое забывается — не только забывается, но стирается изъ памяти людей — Палкину, Палкинымъ памятники, — а новое так[ое] же какъ старое начинаетъ дѣлаться и дѣлается пока возможно въ той же формѣ. Когда становится невозможнымъ перемѣнять форму, но остается тѣмъ же.

Зло въ томъ, что люди полагаютъ, что можетъ быть необходимо дѣлать зло людямъ, что можетъ не быть

грѣхъ въ томъ, чтобы дѣлать зло другимъ людямъ, въ томъ, что отъ зла людямъ можетъ произойти добро людямъ.

Быль Николай Палкинъ. Зачѣмъ это поминать? (Только старый солдатъ передъ смертью помянулъ). Зачѣмъ раздражать народъ?

Такъ же говорили ^[15] про Палкина, про Александра, Аракчеевщину. Зачѣмъ поминать?.. такъ же про Павла? Такъ же про Екатерину и закрѣпощеніе Малороссіи, ^[16] и убійство мужа, и Іоанна, и всѣ ея ужасы. Такъ же про Бирона, Елисавету, Петра. И такъ же теперь говорятъ о крѣпостномъ правѣ. О всѣхъ перевѣшанныхъ ^[17] (въ числѣ ихъ 15 и 16 лѣтніе мальчики). Такъ же будутъ говорить и про теперешнее время, про убиваемыхъ въ одиночныхъ заключеніяхъ и въ крѣпостяхъ тысячахъ и такъ же про мрущій голодной смертью народъ. Зачѣмъ поминать.

Какъ зачѣмъ поминать? Если у меня была лихая или опасная болѣзнь и я излѣчился или избавился отъ нея, я всегда съ радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болѣю и все также, еще хуже, и мнѣ хочется обмануть себя. А мы больны и всѣ также больны. Болѣзнь измѣнила форму, но болѣзнь все та же только ее иначе зовутъ. Le roi est mort, vive le roi. ^[18] Болѣзнь, которой мы больны, есть убійство людей — но убійство еще ничего, пускай бы Палкины мучили [1 неразобр.], убивали ^[19] въ 10 разъ больше людей, только бы они дѣлали это сами, а не развращали людей,

заставляя ихъ убивать и мучать людей, давая имъ за это награды и увѣряя ихъ съ молодую и до старости, отъ школы до церкви, что въ этомъ святая обязанность человека. Мы знаемъ про пытки, [20] знаемъ про весь ужасъ и бессмысленность ихъ и знаемъ что люди, которые пытали людей, были умные, ученые по тому времени люди. И такіе то люди не могли видѣть той бессмыслицы, понятной теперь малому ребенку, что дыбой можно затемнить, но нельзя узнать правду. И такія дѣла, какъ пытки, всегда были между людьми — рабство, инквизиціи и др. Такія дѣла не переводятся. Какія же тѣ дѣла нашего времени, которыхъ бессмысленность и жестокость будетъ также видна нашимъ потомкамъ, какъ намъ пытки? Они есть, надо только подумать про нихъ, поискать и не говорить, что не будемъ поминать про старое. Если мы вспомнимъ старое и прямо взглянемъ ему въ лицо, тогда и новое, наше теперешнее насиліе откроется. Откроется потому, что оно все и всегда одно и то же, — мучительство и убійство людей для пользы людей. — Если мы только назовемъ настоящимъ именемъ костры, клейма, пытки, плахи [21] служилыхъ людей стрѣльцовъ, рекрутскіе наборы, то мы найдемъ и настоящее имя для тюремъ, остроговъ, войскъ съ общимъ [1 неразобр.], прокуроровъ; жандармовъ. —

Если намъ ясно, что нелѣпо и жестоко рубить головы на плахѣ по суду съ пытками, то также ясно, что едва ли не болѣе нелѣпо и жестоко вѣшать людей или сажать въ одиночное заключеніе, равносильное худшей смерти по

суду прокуроровъ, сословныхъ представителей. Если нелѣпо и жестоко было казнить, то еще нелѣпѣе сажать въ острогъ, чтобъ развращать, если нелѣпо и жестоко ловить мужиковъ въ солдаты и клеймить въ руки, то тоже съ общей воинской повинностью. Если нелѣпа и жестока опричина, то то [же] съ гвардіей и войскомъ.

1880 лѣтъ на вопросъ Фарисеевъ, давать ли подать сказано: «Кесарю Кесарево, [\[22\]](#) а Богу Божіе». [\[23\]](#) Если бы была какая-нибудь вѣра у людей, то они хоть что-нибудь считали должнымъ Богу и прежде всего то, чему училъ Богъ — человѣка не убивать. Тогда бы обманъ пересталъ быть возможнымъ. Царю или кому еще все, что хочешь, сказалъ бы вѣрующій человѣкъ, но не то, что противно волѣ Бога, а мучительство и убійство противно волѣ Бога.

Опомнитесь люди! Вѣдь можно было отговариваться незнаніемъ и попадаться въ обманъ, пока неизвѣстна была воля Бога, пока непонятенъ былъ обманъ, но какъ только она выражена ясно, нельзя ужъ отговариваться. Послѣ этого ваши поступки уже получаютъ другое страшное значеніе. Нельзя человѣку, не хотящему быть животнымъ носить мундиръ, орудія убійства; нельзя ходить въ судъ, нельзя набирать солдатъ, устраивать тюрьмы, суды.

Опомнитесь люди!

* № 2. [\[24\]](#)

Бѣснующійся звѣрь Петръ заставляетъ однихъ людей убивать и мучить другихъ людей сотнями, тысячами,

самъ забавляется казнями, рубить головы пьяной неумѣлой рукой, не сразу отхватывая шею, закапываетъ въ землю любовницъ, обставляетъ всю столицу висѣлицами съ трупами, ѣздитъ пьянствовать по боярамъ и купцамъ въ видѣ патріарха и протодьякона съ ящикомъ бутылокъ въ видѣ Евангелія, съ крестами изъ трубокъ въ видѣ дѣтородныхъ членовъ, заставляя однихъ людей убивать на работѣ и войнѣ миліоны людей, заставляетъ однихъ людей казнить, жечь, выворачивать суставы у (всѣхъ вѣрующихъ въ Бога) другихъ людей, клеймитъ какъ табуны скота, убиваетъ сына и возводитъ на престолъ блядь своего наложника и свою. И ему ставятъ памятники и называютъ благодѣтелемъ Россіи и великимъ человѣкомъ и всѣ дѣла его; не только оправдывается все то, что дѣлали люди по его волѣ, считаются законными, необходимыми и не ложатся на совѣсть людей, которые ихъ дѣлали. И про жестокости его говорятъ: зачѣмъ поминать, это прошло.

Послѣ него продолжается то же убиваніе живыхъ людей живыми людьми христіанами, обманутыми своими вожаками. Одинъ за другимъ безъ всякихъ правъ и даже оправданія схватываетъ власть то Екатерина, то Лизавета, то Анна. Жестокости, которые заставляютъ людей дѣлать надъ другими, ужасны. И опять люди, совершающіе эти жестокости, считаютъ себя правыми. Мужеубійца апокалипсическая блудница захватываетъ власть — тѣ же ужасы заставляютъ дѣлаться ея любовниками, потомъ безумный Павелъ, потомъ отцеубійца Александръ и Аракчеевщина,

потомъ убій[ца] брата Палкинъ, котораго я засталъ вмѣстѣ съ его ужасными дѣлами. И потомъ Александръ II съ его висѣлицами и крѣпостями и Плевной, и потомъ теперешніе сотни тысячъ каторжниковъ и острожниковъ, и голодный народъ, и убиваніе людей тайно въ крѣпостяхъ и явно въ одиночныхъ заключеніяхъ и острогахъ, гдѣ люди убивали и мучали другъ друга.

Формы злодѣйствъ измѣняются, но сущность, ужасная сущность дѣла, то, что кроткіе христіане русскіе люди мучаютъ и убиваютъ другихъ и считаютъ себя въ этомъ неповинными, остается то же.

* № 3. [\[25\]](#)

Зачѣмъ поминать старое? говоримъ мы. Но если ужъ не поминать, то и не поминали бы. Но это говорятъ только для того, чтобы, не поминая ужасы стараго, продолжать ужасы настоящаго въ другихъ формахъ. Они говорятъ не поминать, но не поминаютъ только злодѣйствъ, а съ тѣмъ большимъ усердіемъ поминаютъ выдуманые ими прелести стараго времени и выдуманныя доблести тѣхъ людей, которые производили эти ужасы только за тѣмъ, чтобы, закрасивъ ужасы прошедшаго, закрасить ужасы и настоящаго и убѣдить людей въ ихъ необходимости.

И несчастныя молодыя поколѣнія вырастаютъ подъ ложнымъ представленіемъ о томъ, что про всѣ прежніе ужасы поминать нечего, что они всѣ выкуплены тѣми выдуманными благами, которыя принесли ихъ

совершители, и дѣлають заключеніе о томъ, что то же будетъ и съ теперешними злодѣйствами, что все это какъ то выкупится, какъ выкупилось прежнее.

Съ Петра I начинаются особенно поразительные и особенно близкіе и понятные намъ ужасы русской исторіи.

Бѣснующійся, пьяный, сгнившій отъ сифилиса звѣрь $\frac{1}{4}$ столѣтія губить людей, казнить, жжетъ, закапываетъ живыхъ въ землю, заточаетъ жену, распутничаетъ, мужеложествуетъ, пьянствуетъ, самъ забавляясь рубить головы, кощунствуетъ, ѣздитъ съ подобіемъ креста изъ чубуковъ въ видѣ дѣтородныхъ членовъ и подобіями Евангелій — ящикомъ съ водкой славить Христа, т. е. ругаться надъ вѣрою, коронуетъ блядь свою и своего любовника, разоряетъ Россію и казнить сына и умираетъ отъ сифилиса, и не только не поминають его злодѣйствъ, но до сихъ поръ не перестаютъ восхваленія доблестей этаго чудовища, и нѣтъ конца всякаго рода памятниковъ ему. Послѣ него начинается рядъ ужасовъ и безобразій подобныхъ его царствованію, одна блудница за другой безчинствуютъ на престолѣ мучаетъ и губить народъ и заставляетъ однихъ мучать другихъ и воцаряется безъ всякихъ правъ на престолъ, мужеубійца, ужасающая своимъ развратомъ блудница, дающая полный просторъ звѣрства своимъ перемѣняющимся любовникамъ, и всѣ ужасы — казни, убійство мужа, мученія и убійство законнаго наслѣдника, закрѣпощеніе половины Россіи, войны, развращеніе и раззореніе народа, все забывается и до

сихъ поръ восхваляется какое то величіе мудрость, чуть не нравственная высота этой мерзкой бляди. Мало того, что восхваляютъ ее, восхваляютъ ея звѣрей любовниковъ. То же съ отцеубійцей Александромъ. То же съ Палкинымъ. Все забыто. И выдуманы несуществующія доблести и заслуги для отечества.

* № 4. [\[26\]](#)

Законъ четко, ясно неизмѣнно начертанъ въ сердцѣ человѣка. Всякій знаетъ, что ему дѣлать, всякій знаетъ, что хорошо и что дурно. [\[27\]](#) Говорятъ много разныхъ вѣрь, для cadaго народа свой законъ. Это неправда. Всегда есть и будетъ только одна вѣра. — Вѣра эта самъ человѣкъ съ его сердцемъ и разумомъ, и не вѣрить въ самаго себя нельзя. И во всѣхъ вѣрахъ, какія ни есть въ свѣтѣ есть одинъ законъ [\[28\]](#) для всякаго человѣка. И искать этотъ законъ [\[29\]](#) не надо ни за моремъ ни на небѣ, какъ говоритъ Моисей [?], а въ сердцѣ людей. [\[30\]](#)

Человѣкъ вездѣ и всегда такой же — такая же у него голова, сердце, руки, ноги и всѣ члены: тѣ же у него страсти, тѣ же страхи, тѣ же радости, также онъ рождается, такъ же растеть, такъ же страдаетъ старѣется и умираетъ, или, не дождавшись старости, умираетъ во всякій часъ своей жизни, и такъ же не можетъ жить одинъ, а живетъ благодаря людямъ, жившимъ прежде него и живущимъ съ нимъ вмѣстѣ, та же у всѣхъ людей одинаковая способность понимать и думать.

Мы говоримъ, что надо дѣлать, что всѣ дѣлають, что велятъ дѣлать, потому что каждый человѣкъ не знаетъ, что ему дѣлать, не можетъ знать, что хорошо, что дурно, говоримъ, что никто самъ не знаетъ и не можетъ знать этаго. (Мы говоримъ, что и вѣрь много разныхъ и нельзя знать, какая вѣра истинная, какая ложная. Люди, говоримъ мы, бродятъ, какъ слѣпые, живутъ, бродятъ и умирають злы и глупы, какъ слѣпые, сами не знаютъ зачѣмъ. Такъ ли это?) Неужели это правда?

Богъ, если есть Богъ, сотворилъ людей такъ, что они (мучаются, ищутъ истину и) не могутъ знать того, какъ имъ надо жить. Или, если нѣтъ Бога, (люди сами собой живутъ,) то все въ мірѣ и травы, деревья, животные — все живетъ стройно по закону, знаетъ какъ жить, — одинъ человѣкъ — то существо, которое умнѣе всѣхъ, брошено одно безъ кормила, одно живетъ безъ закона. Собака знаетъ какъ жить. Береза знаетъ какъ жить, а человѣкъ не знаетъ. Не можетъ этаго быть. Не можетъ быть да и нѣтъ и никогда не было.^[31] Всему есть законъ, законъ жизни человѣка. И знаетъ этотъ законъ, человѣкъ знаетъ также твердо, какъ знаетъ свой законъ дерево и животное.^[32] Непризнаетъ закона только тотъ человѣкъ, который или самъ отступилъ отъ него, или отъ котораго обманомъ скрыли или скрываютъ этотъ законъ. Но и тотъ и другой знаютъ его. И не видитъ человѣкъ своего закона только до тѣхъ поръ, пока^[33] онъ закрываетъ самъ глаза или пока другіе закрываютъ ему глаза, чтобы онъ не видалъ его. И тому человѣку

открыть глаза, и вотъ онъ — законъ всегда передъ нимъ. Законъ написанъ въ сердцѣ [34] его.

Вѣдь что ужасно подумать? Это то, что уничтожено въ людяхъ чувство святыни. Для этихъ самыхъ людей, которые отдаютъ все на поруганіе, отдаютъ все, что есть въ нихъ святаго — Кесарю, въ этихъ самыхъ людяхъ есть чувство святыни — есть то, что они считаютъ святымъ и не отдадутъ никому. Но ⟨горе въ томъ, что они⟩ несчастные, такъ обмануты, что истинная святыня отнята отъ нихъ и подмѣнена ложною. Тѣ самые люди, которые, безъ малѣйшаго колебанія и сознанія нарушенія святыни своей души пойдутъ въ солдаты, на войну, въ судъ, будутъ собирать подати, эти люди, не считающіе все это нарушеніемъ своей святыни, хранятъ другую ложную святыню, подставленную ими вмѣсто настоящей, и будутъ блюсти ее подъ страхомъ страшныхъ наказаній, страданій, смерти даже, не нарушать эту ложную, выдуманную, внѣдренную въ нихъ искусственную святыню. Всякій простой недумавшій [35] и вѣрующій вѣковыми обманамъ русскій человѣкъ, пойдетъ въ судъ, въ солдаты, будетъ участвовать въ сборѣ податей, не считая въ этомъ убійствѣ братьевъ ничего дурнаго и ни за что подъ страхомъ страданій [1 неразобр.] и смерти не выбросить въ помойную яму икону, причастія. —

Что если бы онъ понималъ, что святыня и что обманъ?

Вѣдь это ужасно.

Опомнитесь люди.

1. ↑ В первой копии поправка рукой Толстого: Николай Палкинъ,
2. ↑ В копии неверно прочитано: каждый; Толстой там же написал: Каждый палачъ. Онъ,
3. ↑ Это слово в копии было не прочитано. Толстой исправил вместе с предшествующим: какъ мошку къ огню.
4. ↑ В копии не прочитано, Толстой вставил: Петровой,
5. ↑ В копии не прочитано, Толстой вставил: отвратительной,
6. ↑ В копии Толстой вставил: Екатерины,
7. ↑ В копии Толстой вставил: Александръ,
8. ↑ В копии ошибочно: жившими, Толстой исправил: живыми,
9. ↑ В копии Толстой добавил: или,
10. ↑ В копии Толстой добавил: и,
11. ↑ В копии ошибочно: Заблудженіе, Толстой исправил на: заблудшіе,
12. ↑ В копии ошибочно: людей, Толстой исправил на: люди,
13. ↑ В копии слова: Люди заблудшіе жестоки... кончая наслѣдственной Толстой зачеркнул и вписал: Люди эти умирають, но на ихъ мѣсто являются новые, дѣлающіе новыя жестокости. ⟨Люди эти⟩.
14. ↑ В копии ошибочно: Алексѣй, Толстой исправляет синим карандашом на: Александръ,
15. ↑ В копии Толстым исправлено на: говорим,
16. ↑ В копии не прочитано, Толстой вписал: Малороссіи,
17. ↑ В копии о всѣхъ перевѣшанныхъ не разобрано, Толстой вписал: о повѣшеніи.
18. ↑ [Король умер, да здравствует король.]
19. ↑ В копии ошибочно списано мучилъ и убившій, Толстой исправил мучилъ и убиваль,
20. ↑ В копии было ошибочно: Мы знали про плети, Толстой исправил на: Мы знаемъ про пытки, знаемъ,
21. ↑ Зачеркнуто: топоръ;
22. ↑ В копии., Кесареви,
23. ↑ В копии Богови.
24. ↑ Вариант характеристики царей, внесенный во вторую редакцию вместо стр. 564 строки 14 — 33 первой редакции (рукопись 46). Позже этот кусок вычеркнут и заменен текстом на стр. 558 строки 32—46.
25. ↑ Второй вариант того же листа, в дальнейшей работе над текстом «Николая Палкина» не использованный. (По рукописи № 6.)

26. ↑ *Вариант окончания «Николая Палкина», не использованный в работе (по рукописи № 7).*
27. ↑ *Зачеркнуто:* и всякій знаетъ, что сколько бы ни было людей разныхъ вѣръ, у человѣка
28. ↑ *Зач.:* вѣрнѣ одна только эта вѣра. Вотъ это одна вѣра
29. ↑ *Зач.:* ее, эту вѣру,
30. ↑ *Зач.:* а написана въ сердцахъ и головахъ людей. ⟨Всякій человѣкъ знаетъ, что онъ нынче живъ, завтра умеръ, значить человѣкъ, что бы онъ не дѣлалъ, онъ не спасается отъ страданій и смерти, знаетъ, что Разумъ⟩
31. ↑ *Зачеркнуто:* А есть то, что,
32. ↑ *Далее зач.:* только другой суда не находитъ. Этотъ законъ тотъ, кто отступилъ отъ него, какъ не находитъ себѣ дѣла и мѣста и закона отбившаяся отъ улья пчела
33. ↑ *Зач.:* не помучился и не пострадалъ отъ потери закона, пока не взялся искать его
34. ↑ *Зач.:* человѣка. Тотъ, кому онъ нуженъ, найдетъ его
35. ↑ *Зач:* ру[сскій].

Примечания

Об этом электронном издании

Эта книга из [Викитеки](#)^[1] — цифровой библиотеки, созданной добровольцами и включающей издания всех типов: прозы, стихов, журналов, писем...

Книги библиотеки доступны бесплатно. В библиотеку включаются издания, находящиеся в народном достоянии, а также опубликованные со свободной лицензией. Вы вправе использовать эту электронную книгу в любых целях (включая коммерческую) при условии соблюдения лицензии [CC BY-SA 3.0](#)^[2] или [GNU FDL](#)^[3] на ваш выбор.

Викитека приветствует новых участников. При создании этой книги мы могли сделать ошибки. Вы можете сообщить о них на [этой странице](#)^[4].

Следующие участники внесли вклад в редакцию этой книги:

- Vladisl3
- Yuri V.
- VadimVMog
- Sergey kudryavtsev

1. [↑](http://wikisource.org) <http://wikisource.org>
2. [↑](http://www.creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0) <http://www.creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0>
3. [↑](http://www.gnu.org/copyleft/fdl.html) <http://www.gnu.org/copyleft/fdl.html>
4. [↑](https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Форум) <https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Форум>